

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

С.П. Моисеев

ПРИЗРАК ТОЛПЫ

Рецензия на книгу: Borch Ch. The Politics of Crowds: an Alternative History of Sociology. Cambridge University Press, 2012. — 338p. ISBN 9781107009738

Профессор Копенгагенской школы бизнеса Кристиан Борх предлагает вниманию научной аудитории интересную альтернативу — взгляд на развитие социологии через призму семантической истории, в центре которой располагаются понятия «толпа» и «масса». По замыслу автора, такой подход должен помочь ответить на вопрос о том, почему толпы и массы, которые представляли большой интерес для социальных исследователей начала XX в., сегодня занимают позицию на периферии социологической теории (р. 3). Основой для этой исторической реконструкции служит достаточно необычное сочетание аналитических идей и решений, которые Борх заимствует у Никласа Лумана, Роберта Мертона и Мишеля Фуко. В первую очередь, он опирается на лумановское понятие «семантики», находящейся во взаимоотношении с социальной структурой. Далее, в поисках легитимации обращения к внешним социокультурным факторам изменения семантики, он ссылается на идеи мертоновской программы социологии знания и науки. Наконец, для более точного обозначения границ описываемой семантики Борх использует понятие «проблематизации» Мишеля Фуко, тем самым фокусируя свое внимание на причинах, по которым толпы и массы стали проблемой, заслуживающей внимания общественности и социальных исследователей. Таким образом, Борх принимается за решение сложной задачи — показать, как семантика толп появилась и менялась в неразрывной связи с внешним социально-политическим контекстом, который, наряду с собственно научной дискуссией, интересует автора.

Он начинает свое повествование с краткого экскурса в историю революционной Франции, которая в XVIII–XIX вв. с относительной регулярностью переживала различные массовые волнения. Борх показывает, как сочетание проблематизации революционных толп в художественной и исторической литературе, а также развитие исследований гипнотического внушения создали основу для появления классической семантики толп. Здесь он достаточно подробно рассматри-

Моисеев Станислав Павлович — аспирант Департамента социологии Национального Исследовательского университета — Высшей Школы Экономики, стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, магистр социологии, (spmoiseev@gmail.com)

Moiseyev Stanislav — Master of Sociology, Graduate student at the Department of Sociology, Research-assistant at the International Laboratory for Applied Network Research, HSE (spmoiseev@gmail.com)

вает работу одного из первых исследователей психологии толп — Гюстава Лебона. Борх удаляет внимание не только известным взглядам ученого относительно иррациональности и внушаемости «коллективной души»: большое значение для него имеет политическая программа Лебона, которая предполагает, что общество должно искать пути противостояния толпе, представляющей для него опасность.

Отдельная часть «альтернативной истории» посвящена анализу исследования толп, проделанного Габриэлем Тардом. Оценивая его вклад в развитие социологической семантики толп, Борх демонстрирует неоднозначность роли Тарда. С одной стороны, разработанная им концепция внушения-подражания сделала толпу одним из парадигмальных проявлений социального. С другой — поражение, которое Тард потерпел в полемике с Дюркгеймом, стало основой для дальнейшей маргинализации классических представлений о толпах, которые едва успели сформироваться. Борх подчеркивает, что критика социологических идей Тарда, по сути, стала критикой семантики толпы: идей заражения, подражания и даже литературного вдохновения, на котором она изначально основывалась.

Переключая внимание на семантику толп в Германии, Борх последовательно рассматривает взгляды Георга Зиммеля, Зигмунда Фрейда, социологов времен Веймарской республики и сторонников марксизма. Каждый ученый, упоминаемый в данном разделе, имел своеобразное представление о роли и сущности толп, и это множество точек зрения практически невозможно подвести под общий знаменатель. Тем не менее, Борху удастся выделить ряд общих интеллектуальных тенденций семантики толп в Германии, которые окажут влияние на будущие исследования массового общества и коллективного поведения: критический взгляд на общественное устройство, рационализация представлений о массовых протестах и смещение фокуса с толпы как таковой на внешние условия, которые ее определяют.

Далее Борх переходит к реконструкции «альтернативной истории» в США в 1890–1920 гг. Ее результаты подчеркивают, что большой вклад в «нормализацию» представлений о толпах внесли американские социологи и социальные психологи, в особенности представители Чикагской школы. Например, усилия Роберта Парка и его коллеги Герберта Блумера привели к тому, что толпы и массовое поведение были определены как разновидности важнейшего объекта социологии — коллективного поведения. Описывая ранние исследования коллективного поведения, Борх вступает в неявную полемику с Кларком Макфейлом, который поставил Парка и Блумера в один ряд с европейскими авторами «мифа о безумной толпе»*. По мнению Борха, американские исследователи занимали менее однозначную позицию и, в частности, подчеркивали не только деструктивные, но и конструктивные черты коллективного поведения — как способа установления нового социального порядка (р. 147).

В «Политике толп» Борх также уделяет отдельное внимание истории социально-философского анализа массового общества и тоталитаризма. Описывая

* В своей книге «The Myth of Madding Crowd» Макфейл ссылается на Лебона, однако также упоминает Тарда и итальянских исследователей, которые описывали толпы с позиции криминологии (McPhail 1991: 2–20).

идеи Хосе Ортега-и-Гассета, Карла Маннгейма, последователей Франкфуртской школы и других ученых, Борх демонстрирует, что переход от «толпы» к «массе» ознаменовал важное изменение в понимании отношений между одним и многими — современное общество породило массу, в которую теперь входят все. Он указывает на то, что альтернативой для критической теории XX в. стали исследования общественного мнения, пропаганды и манипуляции, вдохновленные принципами позитивизма и основанные на количественной методологии. Опираясь на «твердые факты», сторонники этого подхода поставили под сомнение некоторые базовые положения теорий массового общества.

Еще один «драматический» поворот в истории социологической семантики толп был связан с развитием исследований социальных движений. Первые несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны стали периодом расцвета рациональных теорий коллективного поведения, кульминацией которого было применение аппарата теории игр для моделирования поведения толп. «Победный марш» оказался прерван ярким появлением новых социальных движений, которые заставили исследователей задуматься об адекватности имеющейся модели объяснения. В результате критической рефлексии теории коллективного поведения и их «иррациональное» наследие были отвергнуты как научная концепция, закрепляющая «ненормальный» характер протестной активности.

По мнению Борха, последним значимым обращением к семантике толп стали постмодернистские теории. В заключительной части своего исследования он показывает, как критика капиталистического общества, рационализации и индивидуальности социального, которую не могли осуществить «сторонники» современности, породила множество теоретических новшеств. В качестве интересных примеров Борх приводит понятия «нео-племена» Мишеля Маффесоли, «множества» Майкла Хардта и Антонио Негри, а также рассматривает теории Жана Бодрийера и Петера Слотердайка. В то же время Борх делает справедливое замечание о том, что, хотя перечисленные авторы вдохнули новую жизнь в концепты толп и масс, их вклад скорее является разрывом со всей предшествующей традицией, нежели ее продолжением.

Один из центральных тезисов, который Борх стремится защитить в своем тексте, состоит в том, что сегодняшнее теневое положение семантики толп обусловлено не только научной неадекватностью классических идей. Большую роль в процессе маргинализации толп сыграло противоречие между консервативными взглядами, опирающимися на иррациональное, де-индивидуализированное, «ненормальное» определение массовой активности, и либеральной программой современности, которая отстаивала ценность рационального индивида как основы для реализации принципов демократии.

Достоинством проведенной реконструкции является не только новый взгляд на известную историю социологии. Для иллюстрации и подтверждения своей точки зрения Борх проанализировал большой объем источников различной дисциплинарной ориентации — от психиатрии до социальной философии. Благодаря этому он смог выйти за пределы анализа исторических реконструкций, предпринятых его предшественниками, — Московичи, Макфейлом и др., — и изобразить объемную и противоречивую историю. Как было показано выше,

сюжет «Политики толп» сочетает в себе рассказ о развитии двух взаимосвязанных, но очень самостоятельных исследовательских областей — теорий массового общества и коллективного поведения. Решение уделить внимание каждому из этих направлений, безусловно, усложнило задачу Борха, однако сделало его реконструкцию более полноценной. Структура представленной альтернативной истории также очень органично отражает изменение в значении национальных школ. В начале Борх рассматривает представления о семантике толп исследователей из Франции, Германии и Америки, но затем, когда государственные границы перестают значимым образом определять содержание исследовательских программ, переходит к тематическому разделению глав.

Конечно, выбор литературных источников в исследовании Борха имеет свои ограничения. Так, он сознательно исключает из своего повествования историю развития представлений о коллективном поведении в социальной психологии второй половины XX в. (р. 258). Помимо этого, Борх заканчивает свою реконструкцию на моменте появления исследований социальных движений и постмодернистских идей. Однако современное обсуждение толп имеет еще одно важное направление, связанное с развитием Интернета и популяризацией «краудсорсинга» — формы организации совместной деятельности людей, основанной на применении современных информационно-коммуникативных технологий. Некоторые авторы указывают на то, что краудсорсинг предлагает новое видение толпы — как источника решения, но не создания проблем, — и в этом смысле также призывают к изменению классических социологических представлений о толпе (Wexler 2011). Наконец, обоснованное методологическое решение Борха не опираться на какое-либо определение толп и масс (р. 13) в некоторых ситуациях затрудняет однозначное восприятие его текста, в частности, иногда Борх очень легко переключается с одного понятия на другое и приписывает исследователям масс семантическое «наследие» толп. При этом оценить справедливость подобных суждений, опираясь только на текст его книги, становится очень сложно.

Данные критические замечания не уменьшают ценности работы Борха, которая демонстрирует читателю нелинейность истории развития социальной мысли, приоткрывает множество интересных сюжетов и при этом позволяет увидеть за ними общую логику. Содержательно его альтернативная история занимает промежуточное положение между историческими исследованиями изучения толп и масс, проделанными Сержем Московичи, Джоном Макклелландом, Кларком Макфейлом, и работами по истории науки, которые затрагивают вопросы становления социологии как самостоятельной научной дисциплины. Знакомство с «Политикой толп» будет полезно широкому кругу читателей, которые интересуются социальной теорией, историей XX в. или хотят попытаться вдохнуть новую жизнь в классические представления о толпах и массах.

Литература

McPhail C. *The Myth of Madding Crowd (Social Institutions and Social Change)*. New York: Aldine de Gruyter, 1991.

Wexler M.N. Reconfiguring the sociology of the crowd: exploring crowdsourcing, *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2011, 31 (1–2), pp. 6–20.